

Николай Зеляк

Посейдонис-2

VI книга научно-
фантастического романа
«Когда пришли боги»

Николай Зеляк
Посейдонис-2. VI книга
научно – фантастического
романа «Когда пришли боги»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36970315

ISBN 9785449333919

Аннотация

Легендарный остров посреди Атлантического океана. Его прекрасная столица. Живущие в ней люди и боги. Люди делают первые робкие попытки быть похожими на богов. А благородные боги спускаются с небес к людям...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	30
Глава 3	51
Глава 4	69
Глава 5	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Посейдонис-2

VI книга научно – фантастического романа «Когда пришли боги»

Николай Зеляк

© Николай Зеляк, 2018

ISBN 978-5-4493-3391-9 (т. 2)

ISBN 978-5-4493-3389-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
МОЕЙ ДОРОГОЙ ЖЕНЕ ЕКАТЕРИНЕ, ПОСВЯЩАЮ!

Посейдонис жил своей интересной и бурной жизнью...

Бывший пещерный народ приобщался к цивилизации. Он массово стал менять профессию охотника и собирателя на более продвинутые и современные виды деятельности и предпринимательства. Вслед за этим, многие граждане Посейдониса начали срочно трансформировать свои пещерные имена и клички, придавая им более благозвучное и презентабельное звучание. Без этого уже было не обойтись. Ведь

на смену пещерным временам стремительно шли другие, цивилизованные...

Боги стали ещё ближе к людям. Особенно прославился своими озорными похождениями громовержец Зевс. Его большое и любвеобильное сердце увлекалось постоянно, но тихой сапой. Он очаровался не только рафинированной богине Деметрой, но и целым роем прелестных простушек из смертных. Его избранницами стали Даная, Европа, Семела, замужняя Леда...

При этом за поведением своего супруга неустанно следила Гера. Чтобы обвести её вокруг пальца, требовалась недюжинная смекалка и актёрское мастерство. Здесь ему подыгрывал Посейдон. Правда, с большой неохотой...

Подрос Геракл. Он оброс горой мышц и стал выглядеть почти героически. Но ум его отставал в своём развитии от роста мышечной массы. Этим обстоятельством часто пользовался хитромудрый плут Эврисфей. Он специально провоцировал наивного Геракла на сомнительные подвиги, имея, прежде всего, выгоду для себя. Юный Геракл, по недомыслию, велся на велеречивые слова Эврисфея и бесстрашно шёл их совершать.

Он сразился с невидимым немейским львом в пещере, где не было видно ни зги. Схватился в болоте с булькающей лернейской гидрой. Попытался изъять золотые рога у киринейской лани. Устроил марафонский забег с эриманфским вепрем. Причём, сам всё время бежал впереди зверя. Вступил

в бой с каркающими стимфальскими птицами. Решил проблему авгиевой конюшни, где основную работу сделал сам Авгий. После каждого такого подвига, мать героя лишь вертела пальцем у собственного виска, а плут Эврисфей довольно потирал свои короткие, сухие руки...

Инопланетянка Исида предложила Ярилову войти вместе с ней в, запретный для простых смертных, мир богов. Находясь перед порталом в легендарную Шамбалу, космонавт стоял перед тяжёлым выбором: шагнуть за горизонт, расставшись навсегда с современной реальностью, или остаться в ней. И... космонавт не стал порывать с миром, в котором родился. До поры.

Он с головой окунулся в исследования затонувшей столицы Атлантиды. И случилось так, что он ещё раз встретился с гостем из немыслимо далёкого прошлого. Это был небожитель Энион...

У криминального авторитета Циклопа и его банды были свои планы. Они, по-прежнему, считали, что Ярилов имеет отношение к драгоценным камням, а потому зациклились на охоте за его кубышкой, в которой якобы они хранились...

Всё, о чём сказано выше, излагается *в пятой книге научно — фантастического романа «Когда пришли боги», «Посейдонис».*

В шестой, книге научно — фантастического романа «Когда пришли боги», «Посейдонис 2» продолжается повествование о бурной и интересной жизни этого города и не толь-

ко его...

Большое и озорное сердце громовержца Зевса продолжало щедро, но скрытно от постороннего глаза, источаться любвиобилием. Его избранницами стали юные прелестницы Антиопа, Эгина, Ио, Майя и, ещё раз, замужняя Леда. Видно, она обладала особым очарованием.

Бедному Посейдону снова приходилось смущённо отводить глаза в сторону от пронизательного взгляда Геры, покрывая шаловливые поступки своего брата. Правда, однажды он сам увлёкся красавицей Эфрой, поменявшись ролями с Зевсом...

Хитромудрый Эврисфей продолжал плести свои интриги, провоцируя наивного Геракла на новые подвиги, подразумевая, подспудно, выгоду для себя.

Геракл добыл пояс королевы амазонок. А, точнее, Ипполита подарила его сама. Познакомился с диковинными лошадьми Гериона. Укротил критского бычка. Сходил в сад Гесперид, который, по мнению опытных охотников, находился на самом краю земли, и принёс хитромудрому Эврисфею три яблока, даровавшие «бессмертие». Спустился в «ад» Плутона, где встретился с суровым псом Цербером.

А по возвращении домой после каждого подвига, его ожидал один и тот же приём. После короткого допроса, его мать Алкмена неизменно начинала вертеть указательным перстом у собственного виска. Зато радовался Эврисфей...

Ярилов продолжил опасное глубоководное исследование

руин затонувшей столицы Атлантиды, Посейдониса. Он вместе с атлантологом Смитом наткнулся, предположительно, на развалины дворца Зевса. При изучении руин, на них обрушилась стена придонного ила. Их могло спасти только чудо...

А криминальный авторитет Циклоп всё не мог уговорить-ся. Ему не давала покоя кубышка с заветными камешками. Он несколько раз делал попытку ухватить за хвост птицу счастья...

Глава 1

Загар Антиопы

Бывший профессиональный потребитель бесплатных благ дикой природы, а ныне свободный гражданин Атлантиды и житель её столицы, Посейдониса, Фив уверенно процветал на своей усадьбе. Она располагалась на самом краю пригорода, у берега речки с хрустальной водой. Как и большинство жителей Посейдониса, Фив был семейным человеком. Его новое бытие с ним разделяли его супруга Фива и взрослая дочь Антиопа.

Фива отличали высокий рост и костистость. Его маленькие, мышинные глазки всегда смотрели с подозрением. Они, как буравчики, постоянно что-то, или кого-то сверлили.

После того, как он сменил профессию, в нём уверенно проснулся хозяйствующий субъект. Профессия предпринимчивого собственника ему пришлась по душе больше, чем тернистая стезя собирателя и охотника. По этой причине, Фив стал относиться к людям весьма настороженно, подозревая в них потенциальных конкурентов. Зато, полюбил стяжательство. Его дом, мало-помалу, стал наполняться всякой всячиной. В основном, это был, никому не нужный, хлам. Видно Гоголь, в будущем, срисует с него своего Плюшкина. Из-за его воинствующего скопидомства, сначала сосе-

ди, а потом и друзья, стали заходить к нему всё реже и реже.

Супруга его, Фива, выделялась тремя качествами: глаза-стостью, грудастостью и разговорчивостью. Если два первых качества её, Фиву нравились, то третьего он боялся. Голос у неё был трубный и протяжный. Когда Фива начинала бурно изливать свой небогатый словарный запас, то Фив, тотчас, убегал и прятался в укромном уголке. Уголок этот располагался рядом с усадьбой, и представлял собой дикорастущий кустарник. Однако фокус заключался в том, что этот кустарник дивным образом произрастал овалом, заключая внутри себя прелестный пятачок, из золотого песка. Там, на этом минипляже, можно было переждать любую шумовую бурю.

Этот же пятачок стал любимым местом времяпрепровождения и его дочери, Антиопы. Антиопа выросла красавицей. Она взяла от отца рост, но ни в коем случае ни его костистость и, тем более, ни его глаза. А маленькая и круглая мать удачно одарила её большими, наивными глазами и роскошным бюстом. Антиопа, только-только, расцвела той свежей красотой, которая вольно или невольно восхищает всякий глаз.

Родители очень любили свою дочь и дивились её пригожести. Каждый утверждал, что она похожа именно на него. Упрямый отец уступал в споре лишь тогда, когда речь заходила о его глазах.

Чадо своё, родители работой напрягали не особенно, ошибочно полагая, что та всё ещё ребёнок. Поэтому, Антио-

па, день-деньской, загорала на своём минипляже, пребывая в грёзах. В то время стринги ещё не вошли в моду, поэтому, после купания в хрустальной воде, она нежилась на горячем песочке в купальном костюме прародительницы Евы. Принимая солнечные ванны в таком виде, Антиопа даже не подозревала, что стала родоначальницей нудистского движения. Её почин, в будущем, даст серьёзные всходы. В настоящее время последователи Антиопы расплодились в огромном количестве по всему миру.

Одноместный виман Зевса, прозрачной каплей, медленно и бесшумно парил над Посейдонисом. Государево око царя богов зорко обозревало, подёрнутые зыбкой дымкой, широкие панорамы. Панорамы оку нравились. Посейдонис с его тремя серебристыми, концентрическими кольцами, на низанных на стрелу главного канала, выглядел, с высоты орлиного полёта, как настоящее, рукотворное чудо. Город вырос, и ему стало тесно в жёстком формате радиально – кольцевой системы. И тогда он, как солнце, выбросил в разные стороны протуберанцы своих пригородов. Широко и вольготно они разрастались и в сторону Немейского леса, и в сторону бескрайней равнины, и к реке, которая протекала недалеко от города и впадала в океан.

Виман координатора, сделав полукруг, поплыл в сторону реки. Вот и крайний, утопающий в зелени, дом. Дальше шло незастроенное пространство. Мониторинг завершился. Зевс хотел было уже повернуть к центру, как, вдруг, его ост-

рый глаз заметил пятно, смутно напоминающее лежащую человеческую фигуру. Она располагалась на песчаном пятачке, окружённом со всех сторон кустарником. Снедаем любопытством, снизился. Присмотрелся. Это, действительно, была человеческая фигура. Опустился ещё ниже. Человеческая фигура преобразовалась в женскую фигуру, к тому же ещё, и не одетую. Небрежно сброшенная туника, валялась рядом. Голова девушки была эффектно откинута. Тяжёлые, золотые волосы, вольными ручейками растеклись по лицу, груди, плечам и растворились в песке. Руки и ноги загорающей красавицы были распростёрты на песчаном ложе самым раскрепощённым образом. Она лежала неподвижно. Лишь лёгкий ветерок иногда шевелил её волосы.

Царю богов сразу же расхотелось улетать восвояси. Он опустился до бреющего полёта. Летательный аппарат работал очень тихо, поэтому спящая красавица не слышала его. Громовержца приятно удивила прелестная фигура, заморенной солнцем, красавицы.

Зевс посадил свой виман рядом с кустарником. Красавица тянула его к себе, как магнит. Стараясь не шуметь, он ступил на золотой песок минипляжа. Теперь красавица томилась в дремотной истоме всего в нескольких шагах от него. У громовержца заблестели глаза. Он невольно залюбовался ею, хотя понимал, что поступает не совсем этично. Внутренне оправдал себя тем, что юное создание было уж очень привлекательным. Девушка, по-прежнему, не шевелилась. Про-

шло несколько мгновений. Красавица неожиданно потянулась и приоткрыла один глаз. Цветом он оказался, как утреннее море. Это обстоятельство ещё больше умилило громовержца.

Чтобы не смущать незнакомку, он собрался ретироваться так же тихо, как и появился. Конечно, совсем уходить он не собирался, а хотел лишь подождать, когда красавица проснётся.

У выхода с пяточка его остановил пронзительный визг. Громовержец вздрогнул и оглянулся. Красавица не только проснулась, но уже успела принять позу Венеры Мелосской, когда у той ещё были на месте руки. Потом передумала, справедливо полагая, что этих мер предосторожности недостаточно, чтобы прикрыть от нескромного глаза все свои прелести. Взвизгнула ещё раз и пантерой бросилась к одежде.

Зевс смущённо отвернулся, но уходить передумал. Когда он глянул на красавицу ещё раз, то увидел её уже одетой. Она смотрела исподлобья. В её глазах пылало смущение и негодование. Девушка была похожа на разъярённую фурию, только очень симпатичную!

Зевс миролюбиво поднял руку и тихо сказал:

– Не бойся меня красавица, я ничего дурного тебе не сделаю!

Девушка не шелохнулась. Она, по-прежнему, напоминала осаждённую крепость.

Зевс продолжил говорить тихим и немного покаянным голосом:

– Уединение твоё я нарушил нечаянно.

Девушка не желала реагировать на слова громовержца. Видно, не позволяли смущение и обида.

Тогда громовержец пустился на хитрость.

– Я подумал, что с тобой случилась беда, потому и поспешил сюда. Ты лежала так неподвижно, словно жизнь покинула тебя.

Взгляд красавицы немного потеплел. Поза раскрепостилась.

Голос небожителя звучал, как далёкий-далёкий гром, мужественно и приятно:

– Я всего лишь хотел помочь тебе, милая девушка. И не более.

Невинный обман Зевсу удался. Наивная Антиопа, похоже, поверила ему.

Губки её, наконец, разомкнулись:

– Правда?

Громовержец, с превеликой готовностью, кивнул.

– Правда!

Она облегчённо вздохнула и заговорила. Голос у неё был высок и звонок:

– А я подумала, что ты пришёл сюда с дурными намерениями.

Глаза Зевса, вдруг, стали стальными.

– Запомни, милое создание, что мы людям делаем только добро!

Девушка совсем успокоилась. Возмущение в её изумрудных глазах растаяло.

– О, великий Зевс, а я подумала о тебе плохо...

Громовержец притворился удивлённым.

– Ты знаешь, как зовут меня?

Девушка смущённо потупила свои лазурные глаза.

– Знаю. А кто не знает...

Зевс обворожительно улыбнулся.

– А теперь скажи, как тебя зовут?

На щеках девушки проступил румянец.

– Антиопа...

Зевс облегчённо вздохнул: самый тернистый участок пути к сердцу красавицы, кажется, пройден. Дальше открывалась уже протоптанная дорожка и громовержец уверенно по ней зашагал.

– У тебя удивительное имя, прелестное создание! Оно ласкает слух, как пение райской птицы!

Антиопа настежь распахнула свои наивные глаза.

– Да? А я и не знала...

Голос громовержца стал звучать ещё нежнее.

– О, Антиопа, ты так свежа и прелестна, как самый первый цветок на весеннем лугу!

Девушка начала таять.

– О, Зевс, таких желанных слов я никогда не слышала...

Щёки её зарделись ещё больше.

– Они так отрадны для моего уха...

Он осторожно взял её руку, повернул ладошкой кверху и преклонил на неё свою гривастую голову. Антиопа вспыхнула, как костёр в душную, летнюю ночь. Её лазурные глаза зачарованно смотрели на небожителя. В груди проснулось чувство, ей ранее не ведомое. Влекущее и пугающее!

Громовержец лёгким ветерком коснулся её золотых волос.

– Антиопа, я пленён твоей красотой!

Её грудь упруго заколыхалась под тонким полотном туники.

– О, Зевс...

Небесный искуситель кокетливо поинтересовался:

– А я тебе нравлюсь, прелестное создание?

Антиопа трепетно выдохнула.

– Да...

Всё. Громовержец внутренне посчитал, что дело сделано. Он нежно, но уверенно взял её холодные пальчики в свои могучие ладони.

– Я приду сюда сегодня, когда зажгутся первые звёзды. Ты будешь меня ждать?

Её глаза стали совсем большими. В них застыли страх и восторг.

– Буду...

Зевс многозначительно пообещал:

– Мы позагораем вместе, прелестное создание!

В наивных глазах Антиопы нарисовалось недоумение.

– А разве ночью можно загорать?

Громовержец загадочно улыбнулся.

– Можно, милое создание!

А она всё ещё сомневалась.

– Без солнца?

Зевс обезоруживающе улыбнулся.

– Зачем нам солнце, моя прелестница? Нам будет светить тьма светил, подобных солнцу. И не беда, что они далеко от нас. Главное то, что они есть!

Антиопа неожиданно поникла, словно вспомнила что-то очень неприятное.

Зевс участливо поинтересовался:

– Тебя что-то смущает, моя прелесть?

Она подняла на громовержца свои изумрудные глаза.

– У меня строгий отец!

Зевс снова улыбнулся.

– О, не печалься по этому поводу, очаровательное создание. Я устрою так, что твои родители ничего не заподозрят, и будут относиться к тебе, по-прежнему, очень хорошо.

Девушка облегчённо вздохнула.

– Тогда, хорошо...

Зевс ободряюще махнул рукой Антиопе и энергично направился к своему летательному аппарату.

...Время близилось к обеденной трапезе, когда ви-

ман Зевса лихо приземлился прямо перед самым носом, неторопливо идущего домой, владыки морей. Посейдон, от неожиданности, отпрянул. Из летательного аппарата вывалился довольный громовержец. Он поспешил к оторопевшему владыке морей.

– Приветствую тебя, мой Посейдон!

Посейдон учтиво улыбнулся.

– И тебе много здравствовать, мой Зевс!

– Спешешь на обеденную трапезу?

Владыка морей насторожился.

– Да. Уже пора.

Царь богов рассеянно согласился.

– Да, действительно, пора.

Небожители прошагали, некоторое время, молча. Потом Зевс произнёс фразу, с такой неохотой, ожидаемую Посейдоном:

– Я хочу пригласить тебя в гости, дорогой Посейдон. Возражения не принимаются, поскольку ты уже давно у нас не был. Да и Гера тебе будет очень рада!

Посейдон подозрительно посмотрел на своего брата.

– Что, затеял очередную шалость?

Зевс принял решение больше не признаваться Посейдону в истинной причине приглашений того на обеденную трапезу, поскольку владыка морей мог бы элементарно отказаться. И был бы, где-то, прав. А это грозило Зевсу полным крахом его шаловливых помыслов.

Он жизнерадостно слукавил.

– О, нет, дорогой Посейдон!

Прямодушный царь морей немного смягчился.

– А как же Амфитрита? Она ведь ждёт меня!

Зевс энергично посоветовал:

– А ты предупреди её, что идёшь ко мне в гости. Она поймёт. У неё доброе сердце!

Соблазняя владыку морей, добавил:

– Нас ждут такие гастрономические изыски, что ты не пожалеешь, дорогой Посейдон!

Зевс снова лукавил. Какие гастрономические изыски их ждали, он не знал сам. А их ожидал самый обычный обед, состоящий всего из полутора десятков блюд. Не более. Если бы это был пир, тогда совсем другое дело!

Доверчивый Посейдон всё ещё колебался.

– В твоём предложении, точно, нет подвоха?

Зевс изобразил на своём лице самую невинность.

– О, Посейдон...

Владыка морей, ещё немного посомневавшись, согласился.

– Пусть будет по-твоему.

Громовержец довольно потёр свои могучие руки.

– Вот и прекрасно, дорогой Посейдон!

На пороге апартаментов их встретила радушная Гера.

– Я рада приветствовать тебя, мой Посейдон!

Посейдон учтиво склонил гривастую голову.

– И я рад видеть тебя, дорогая Гера!

Царица богов величественно повела рукой.

– Прощу в дом! Обеденная трапеза ждёт вас!

Омыв руки в серебряном сосуде, цари неторопливо уселись за стол. Кулинарных изысков, действительно, оказалось немало, и все они выглядели весьма соблазнительно.

Некоторое время небожители вкушали пищу молча. Она им нравилась. Посейдон и Гера чувствовали себя умиротворённо. Лишь один громовержец к концу трапезы стал нервно ёрзать на своей скамье. Его можно было понять: время уходило, а ночного алиби у него всё ещё не было!

Зевс, наконец, решился.

– Знаешь, Гера, Посейдон недавно подал мне одну любопытную мысль. Я нашёл её интересной!

Царица богов, изящным движением, поставила на стол сосуд с золотистым напитком.

– Поделись, мой Зевс!

Однако Зевс пока не знал о чём конкретно говорить, поэтому, не мудрствуя лукаво, он адресовал энергичную любознательность своей супруги к владыке морей. Громовержец был уверен, что Посейдон не подведёт его и скажет что-нибудь пустяшное, дав ему время сосредоточиться.

– Автор идеи, Посейдон. Он доведёт её до тебя лучше, чем я!

А что владыка морей? Увы, он уже понял, с какой целью его сюда, снова, заманили! С трудом проглотив, застрявший

в горле, кусок, он вынужденно улыбнулся.

– Знаешь, прелестная Гера, я просто не мог не позабавить моего брата идеей об ещё одном приключении.

Хозяйка дома неприятно удивилась.

– Как? Опять приключение? И, наверное, снова ночное?

Посейдон обречённо кивнул головой.

– Да, моя Гера, именно ночное.

Гера прямо на глазах стала наполняться скептицизмом.

– Где, на этот раз?

У Зевса, наконец, включилась фантазия, и он пришёл на помощь, мучавшемуся владыке морей.

– На реке, милая Гера!

Гера недоверчиво покачала головой.

– Как на реке? Вы собираетесь ночью ловить рыбу?

Зевс пока не знал, что они с Посейдоном собираются делать сегодня ночью на реке. При этом он смутно предполагал, что рыбу ночью, наверное, никто не ловит. Но, ведь что-то, всё же, ловят?

– Нет, не рыбу мы собираемся сегодня ночью ловить на реке, моя Гера, а раков!

Гера язвительно рассмеялась.

– Вы собираетесь ловить раков? Но это же занятие для мальчишек!

Царь богов и владыка морей растерянно переглянулись: случился неприятный прокол! Они недооценили осведомлённость Геры в рыбной ловле. Теперь вся затея повисла

на волоске. Это занятие, действительно, было недостойно их высокого социального статуса.

Чтобы выпутаться из смешного положения, Зевс выпалил:

– Не раков, милая Гера, а рака!

Гера рассмеялась.

– Одного рака?

Громовержец загадочно произнёс:

– Одного, но какого!

Губки Геры искривила ирония.

– Ну и какого?

Зевс размашисто, как заправский рыбак, раскинул в стороны свои могучие руки.

– Очень крупного!

Царица богов в недоумении хлопнула глазами.

– А, вот как...

Подключился Посейдон:

– Его обнаружили охотники. Увидели и, испугавшись, убежали.

Зевс степенно отпил золотистого напитка.

– Он днём спит на дне реки, а ночью выходит на берег полакомиться крылатыми насекомыми.

Гера продолжала хлопать своими глазами.

– Никогда бы не подумала!

Громовержец взбодрился окончательно.

– У него огромные клешни и глаза, как перископы.

Последнее слово было совсем новым и звучало впервые.

Придуманное Зевсом, оно, позже, стало популярным у моряков – подводников.

Гера всплеснула руками.

– Подумать только!

Поинтересовалась:

– А что такое перископы?

Громовержец сам точно не знал, что это такое, однако объяснил убедительно:

– Это когда голова и глаза отдельно!

Гера от изумления, даже, открыла рот.

– Зачем отдельно?

Громовержец продолжал сочинять на заданную тему.

– Чтобы лучше видеть!

– Не понимаю!

– Рак, чтобы обезопасить себя, сначала пускает вперёд свои глаза.

Солидно пояснил:

– Для лучшего обзора!

Загадочные пояснения Зевса лишь разожгли любопытство Геры.

– И что вы собираетесь с ним делать?

Зевс гордо заявил:

– Мы собираемся пронаблюдать его!

– И всё?

– Да. Кушать его мы не станем.

– А он не опасен?

Зевс самоуверенно рассмеялся.

– Он хоть и страшен на вид, но неуклюж, как землеройный кристаллороб!

Гера не унималась:

– А когда он выползает на берег?

Зевс подкатил глаза.

– Время известно только ему одному, милая Гера!

Притворно вздохнул:

– По этой причине, к сожалению, его придётся караулить всю ночь!

Посейдон подтвердил слова громовержца:

– Всю ночь!

Удостоверившись в безопасности ночного предприятия, Гера вспылала желанием тоже пронаблюдать невиданное, речное чудище.

– Я иду с вами!

Посейдон нехотя кивнул головой.

– Пошли!

Зевс тускло посмотрел на свою супругу.

– Втроём, действительно, будет веселее, дорогая Гера!

Затея Зевса, снова, повисла на волоске.

– Моя Гера, есть, однако, одна мелочь.

Посейдон и Гера уставились на Зевса. Особенно, Гера.

– Что за мелочь, мой Зевс?

Громовержец напрягся, рожая светлую мысль:

– Рак, при выходе на сушу, свистит!

Царица богов улыбнулась.

– Ну и что? Пусть свистит!

Царь богов поинтересовался упавшим голосом:

– Тебя разве это не смущает? Я полагал, что свист его будет неприятен тебе, дорогая Гера!

Гера улыбнулась.

– Ничего, его свист, мой Зевс, я как-нибудь переживу. Зато увижу живого монстра!

Громовержец не сдавался.

– Я упустил из вида ещё один пустяк, моя Гера.

Гера рассмеялась.

– Какой? Может он ещё и бранится?

Лицо громовержца стало подчёркнуто серьёзным.

– Рак струит!

В глазах Геры появилось недоумение.

– Струит? Что это?

Вмешался Посейдон.

– Рак может забрызгать!

– Кого?

– Кого угодно! Ему всё равно.

Гера насторожилась.

– И что будет?

Зевс сокрушённо покачал головой.

– Что будет? Он прыснул вдогонку одному убегающему охотнику. Конечно, в основном, мимо. На спину несчастного попала всего одна капля. Всего одна!

Многозначительно посмотрел на притихшую Геру.

– После этого охотник стал источать запах рака!

Вдохновенно дополнил сам себя:

– Может, до сих пор ещё источает!

Посейдон поддержал Зевса:

– Может!

Гера вздрогнула. При одной только мысли о том, что она станет источать запах рака, ей стало дурно.

– Фу, какая гадость!

Властно сжала губы.

– Я передумала идти с вами!

У громовержца гора с плеч свалилась.

– О, это очень мудрое решение, моя Гера!

Радостно пообещал:

– Мы завтра же расскажем тебе всё о монстре! Если, конечно, он выползет из пучины.

Царица богов, вдруг, спохватилась.

– А как же вы? Его струя ведь не различает, где смертный, а где бессмертный!

Зевс бодро успокоил супругу.

– Мы не боимся его струи, моя Гера! Против неё у нас есть уже проверенное средство!

– Какое?

Зевс снисходительно рассмеялся.

– Мы с Посейдоном внешне неотличимы. Станем по бокам монстра. Он подумает, что у него двоится в глазах и ста-

нет струить в промежутки между нами!

Со смехом повернулся к владыке морей.

– И пусть струит до тех пор, пока совсем не иссякнет!

Посейдон тоже рассмеялся: выдумка громовержца ему понравилась.

– Пусть!

Трапеза близилась к завершению. Самочувствие у пирующих богов было разным.

Гера взгрустнула.

– Мне с Аресом, снова, придётся напрашиваться в гости к Амфитрите...

Посейдон опасался, что Зевс может занять его яхту, как это уже один раз было и ему негде будет переночевать.

Громовержец же внутренне ликовал: все пути к его новому ночному походу были открыты!

Когда царь богов и владыка морей вышли на воздух, то последний сухо поинтересовался:

– Надеюсь, моя яхта будет свободна?

Громовержец жизнеутверждающе хлопнул своего брата по плечу.

– У тебя нет причин для беспокойства, дорогой Посейдон! Владыка морей хмуро усмехнулся.

– Моё терпение однажды может лопнуть, мой Зевс, запомни это!

Громовержец, в ответ, лишь рассмеялся.

– Мой добрый и надёжный Посейдон, я ведь знаю, что

твое терпение так же глубоко, как этот могучий океан, который плещется перед нашим восхищённым взором...

Фив и Фива суетились в поисках своей дочери, которая куда-то отлучилась, на ночь глядя. Суетились основательно. И тут всё переменялось. Они, ни с того ни с сего, вдруг стали сонными и апатичными. Уста их дружно сомкнулись. И только, время от времени, они разверзались для нешуточного зевания! Глаза помутнели и, наотрез, отказывались что-либо видеть. Спотыкаясь, они кое-как добрались до ложа и провалились в глубокий сон, как в яму!

А Антиопа, в это время, невинно нежилась в костюме Евы на тёплом песочке. Ей начинало нравиться загорать под звёздами. Она даже на миг забылась. Из забытья её вывел захрустевший песок. Она повернула голову в сторону звука и вскочила на ноги. К ней приближался красавец – небожитель. Подойдя к ней, он тоже возжелал позагорать в лучах ночных звёзд.

Антиопа по достоинству оценила его мужественную красоту.

– О, Зевс...

Небожитель улыбнулся. Его улыбка не теряла своей ослепительности даже в темноте.

– Моё прелестное создание, теперь мы станем загорать вместе. У нас впереди вся ночь. А ночной загар привлекательней дневного, поверь мне...

Рассвет подкрался незаметно. Громовержец приподнялся

с прохладного песка.

– Мне пора, волшебная Антиопа!

Прелестное создание протяжно прошептало:

– Не уходи...

Зевс мягко, но решительно освободился от её объятий.

– Надо!

Облачился в тунику.

Антиопа простёрла к нему свои руки.

– А как же я?

Небожитель тихо сказал:

– Я буду помнить тебя, сказочная Антиопа и позабочусь о тебе...

Глава 2

Пояс царицы амазонок

Ипполита уже от рождения была неоспоримым лидером. Природа наделила её умом, ростом, красотой и целеустремлённостью. Ещё в детстве она мутузила будущих охотников, борясь за равноправие. Она уже тогда обладала, в полной мере, тем, что сегодня называется модным словом «харизма».

По мере взросления, её феминистские устремления лишь усилились, и она создала первое в мире движение феминисток. В движение входило около десятка юных персон женского пола, включая сюда и самого лидера.

Феминистки вели себя воинственно и, где-то, даже, агрессивно. Главным требованием движения было признание равноправия полов в области охоты. Были, конечно, и другие вопросы, связанные с равноправием полов, однако, они, пока, не стояли на повестке дня.

Феминистки, наравне с представителями мужского пола, обучались премудростям охоты. А когда, в достаточном количестве, расплодились одомашненные лошади, то и искусству верховой езды. В этой компоненте они стали столь хороши, что превзошли мужчин. Езда на лошади им так нравилась, что, даже, внутри собственного дома, или, как они выражались, пещеры, они иногда ездили верхом.

За воинственность и любовь к личной свободе их стали называть амазонками, а Ипполиту, предводительницу феминисток, царицей амазонок.

Амазонки славились гордым и независимым нравом. Мужчин презирали. Правда, не всех. Добытые, на охоте, трофеи потребляли в узком, исключительно феминистском, кругу.

Среди красавиц-амазонок, особой статью выделялась их предводительница. Для женщин она стала законодательницей мод, а для мужчин – непреодолимым центром притяжения. Особый шарм царице амазонок придавал её роскошный пояс. Он вызывающе эротично подчёркивал её осиную талию. Пояс украшала золотая пряжка необыкновенной ручной работы. Её выковал сам Гефест, в знак уважения к общественному поприщу царицы. Получился не пояс, а загляденье. Многие нефеминистки завидовали Ипполите, кто белой, а кто чёрной завистью. И все, без исключения, страстно желали обладать им.

Не миновала сия чаша и дочери Эврисфея, Заи. Фигурой она пошла в отца. При ходьбе её тоже, чуть-чуть, перекашивало, поэтому забирала она всё время наискосок. А вот двигайся она в поясе Ипполиты, тогда другое дело! В поясе, она бы выглядела неотразимо. Да что там говорить, Зая, может быть, стала бы пригожее самой царицы амазонок!

Вот и заявила она своему отцу, что страстно желает иметь царский пояс. Ни больше и ни меньше! Он красноречиво пы-

тался оговорить её от пустой мечты. Всё напрасно. Дочь была такой же упёртой, как и её родитель. А может, ещё упрямей. Она доставала его своим нытьём до тех пор, пока он, наконец, не сдался.

Эврисфей стал искать случая, чтобы встретится с Ипполитой. И вскоре, такой случай представился. Он случайно увидел костёр, вокруг которого сидели вольные амазонки и неторопливо трапезничали. При этом, они громко беседовали и звонко смеялись.

Не дойдя, десятка два шагов до костра, Эврисфей робко позвал:

– Ипполита!

Предводительница амазонок резко обернулась. Увидев нескладную фигуру Эврисфея, сострадательно спросила:

– Чего тебе, старик?

Эврисфей смущённо переминался с ноги на ногу: он не знал, как озвучить свою дерзкую просьбу.

– Я... я хотел бы...

Ипполита перебила его:

– Ты голоден?

И не дожидаясь ответа, царственно протянула ему большой кусок жареной дичи.

– Бери, старик и уходи. Не мешай нашей трапезе!

Эврисфей отрицательно замотал головой.

– Я не хочу есть.

Царица амазонок удивилась:

– Тогда зачем пожаловал?

Эврисфей продолжал, неуклюже, топтаться на одном месте. Он всё ещё не решался обратиться к блистательной Ипполите со своей абсурдной просьбой. Его нерешительность, Ипполита истолковала по-своему:

– Неужели ты влюбился?

Не дождавшись ответа, она рассмеялась, звонко и заразительно. Царицу дружно поддержали её подруги.

Эврисфей растерялся. Ипполита, сквозь смех, поинтересовалась:

– В кого же, старик? Кто она, твоя счастливая избранница? Назови её имя! Ответь нам скорее, ибо мы все сгораем от нетерпения!

Новый взрыв хохота оглушил его. Терпеливо переждав буйную волну веселья амазонок, Эврисфей, наконец, изложил то, зачем пришёл к ним:

– Ипполита, подари мне свой пояс!

Лидер феминисток не поверила своим ушам. Она изумлённо переспросила:

– Мой пояс?

Эврисфей, заискивающе, подтвердил:

– Именно так, прекрасная царица!

Царица амазонок, снова, расхохоталась. Теперь она смеялась над гостем:

– Зачем тебе мой пояс, старик? Ты и без него хорош!

Выражение её лица, вдруг, стало жёстким.

– Не смейся меня, старик! Иди-ка ты, лучше, своей дорожкой и не мешай нам пировать!

Она, равнодушно, отвернулась от него и продолжила трапезу.

Делать нечего. Эврисфей, молча, повернулся и ушёл. Ушёл, унося с собой обиду на гордую и насмешливую феминистку. Он пока не знал, как отомстить предводительнице амазонок, за своё уязвлённое самолюбие, но был уверен, что, со временем, что-нибудь придумает.

Домой ему идти не хотелось. Там его ждала капризная дочь и ждала, непременно, с царским подарком. Чтобы оттянуть неприятную встречу со своим чадом, Эврисфей решил подышать вольным воздухом и случайно наткнулся на гуляющего Геракла. Тот неспешно шёл по безлюдной улице, играя своей дубиной, словно тростью. Улица, естественно, была пустынной. Во избежание непредвиденных неприятностей, всё местное население во время прогулки Геракла предпочитало, как всегда, сидеть дома.

Эврисфей, этой встрече, обрадовался несказанно. Она, тут же, подвигла его к светлой идее. Нарисовалась возможность одним махом решить все проблемы: и отомстить заносчивой феминистке за своё ущемленное самолюбие, и получить бесценный подарок для родного чада. Оставалось, только, как следует поработать с Гераклом, правильно направив его неукротимую мощь в нужное русло. Такая психологическая комбинация, Эврисфею удавалась, уже, не один

раз. И это несмотря на сопротивление наивного Геракла. Здесь, главное, не заиграться!

Хитромудрый плут стал посередине улицы и поднял вверх свою короткую, сухую руку.

– Эй, Геракл!

Гора мышц недовольно остановилась перед хлипкой преградой.

– Снова ты?

Отец Заи торопливо подтвердил:

– Конечно, я

Геракл боднул короткой стрижкой.

– Как ты мне надоел!

Эврисфей в ответ, лишь, заискивающе улыбнулся:

– А ты мне нет, Геракл!

Юный боец, зная прилипчивую натуру Эврисфея, спросил в лоб:

– Чего тебе?

Эврисфей, подобострастно, заглянул в глаза Гераклу:

– О, Геракл...

Юный атлет поморщился.

– Не тяни!

И Эврисфей не стал тянуть кота за хвост.

– Геракл, мне нужен пояс царицы амазонок.

Геракл удивился:

– Что? Пояс царицы амазонок?

Эврисфей смущённо опустил долу глаза.

– Да...

Атлет усмехнулся:

– Зачем он тебе?

Хитромудрый плут взмахнул своей тощей рукой так, словно отгонял назойливую муху.

– Точнее, он нужен не мне.

Облом хмыкнул, в недоумении:

– Тогда, кому?

Эврисфей сморщился так, словно у него, вдруг, заболел зуб мудрости.

– Моей дочери, Зае.

Геракл развёл руками.

– В чём же дело, Эврисфей? Раз пояс нужен твоей дочери, то и добудь его сам!

У Эврисфея трогательно заволновалась нижняя челюсть.

– Я уже пробовал...

Геракл насмешливо спросил:

– Ну и как?

В голосе Эврисфея слышались блеющие нотки:

– Не получилось. Вместо пояса Ипполита предложила мне идти...

Глаза Геракла озорно блеснули:

– Куда?

Плут отвёл глаза в сторону.

– Своей дорогой.

Геракл повеселел ещё больше:

– А что ты?

Эврисфей почесал острую макушку.

– Я и пошёл...

Геракл рассмеялся:

– Если ты, сейчас, не отстанешь от меня, то я, с удовольствием, предложу тебе, то же самое!

Эврисфей трагически воздел к небу свои короткие, сухие руки.

– О, Геракл, как ты не прав, как не прав!

Юный атлет немного опешил.

– В чём же я не прав?

Эврисфей печально покачал головой.

– А в том, что не желаешь выслушать меня до конца.

Геракл пренебрежительно усмехнулся:

– Что же интересного ты можешь мне поведать?

И тут Эврисфея понесло:

– Знаешь, Ипполита заявила, что пояс у неё не отберёт ни один мужчина!

Геракл, с сомнением, посмотрел на плутоватого собеседника.

– Так и сказала?

Эврисфей соврал, не моргнув глазом:

– Именно так!

Потом, добавил:

– А ещё она сказала, что сильнее всякого охотника!

Детина добродушно рассмеялся:

– Это правда?

Эврисфей продолжал фантазировать:

– Правда!

Хотя, Геракл всё ещё сомневался в словах Эврисфея, но, уже, не так сильно:

– А почему бы и нет? Охотники, ведь, действительно, слабые, а Ипполита – сильная женщина!

Видя, что игра пошла, Эврисфей открыл свой главный козырь.

– А ещё Ипполита намекнула, что она, даже, сильнее тебя, Геракл!

Геракл сжал губы.

– Меня? Я не ослышался?

Эврисфей, вдохновенно, продолжал лгать дальше:

– Нет, Геракл ты не ослышался. Ты же знаешь, что я всегда говорю, только, правду

Детина засопел, как бык на красную тряпку.

– Несчастливая женщина!

Плут осознал, что доверчивый, как младенец, юный переросток созрел окончательно, и что пришла пора внушить ему основную мысль.

– В самом конце нашей беседы, она со смехом сказала, что тебе, Геракл, вовек, не отнять у неё её пояс!

Геракл начал закипать.

– Её пояс?

Плут шустро подтвердил:

– Её пояс!

Юный атлет презрительно посмотрел на хлипкого собеседника.

– Не смей меня, Эврисфей!

Лицо прохвоста обрело лисье выражение.

– Неужели отнимешь?

Геракл заиграл желваками:

– Легко!

Лисье выражение, на лице Эврисфея, заострилось в нужном направлении, ещё сильнее.

– И отдашь его моей дочери Зае?

Геракл, в запальчивости, как всегда, сказал лишнее:

– Отдам!

Не верящий своему счастью, плут решил закрепить на достигнутых рубежах.

– Ой, я, что-то, сомневаюсь.

Но Геракла было уже не остановить:

– Отдам! Я сказал!

Эврисфей прищурил левый глаз.

– Когда?

Геракл решительно отрезал:

– Завтра!

Эврисфей довольно потёр свои короткие, сухие руки.

– Завтра? Прекрасно! Я так и скажу своей дочери! Утро следующего дня выдалось погожим и тихим. Куда не глянь, везде ведро.

Геракл бескомпромиссно шагал к утреннему костру звонкоголосых амазонок. На его плече, небрежно, покоилась могучая дубина.

Молодые амазонки, сидевшие кружком, с неподдельным интересом смотрели на приближающуюся гору мышц. Они весело перебрасывались быстрыми взглядами, что-то шептали друг другу на ухо и смеялись. Смешливое, звонкоголосое общество юных красавиц смутило неловкого увальня. Его воинственность сразу, куда-то испарилась. Он робко остановился в некотором отдалении от костра. Залюбовался восхитительным зрелищем. Особенно, его поразила красота Ипполиты. Царица амазонок напоминала ему пантеру, гибкую, пластичную и невообразимо привлекательную. Ипполита насмешливо прищурила свои изумрудные глаза.

– О, кто к нам пожаловал!

Юные бестии не сводили с Геракла своих нескромных взглядов. И смотреть было на что! Атлет был необыкновенно хорош собой!

Царица амазонок кокетливо дополнила сама себя:

– Да ещё и с дубиной!

Раздался дружный, звонкий смех. Геракл совсем растерялся. В его адрес, со всех сторон, посыпались остроты:

– С кем драться собрался, герой?

– Смотрите, он стесняется!

– Не бойся, мы не прогоним тебя!

– Какой, пригожий!

– Почему не приходил раньше, красавец?

– Оставайся с нами, Геракл!

Их реплики, снова, утонули в звонком, задорном смехе. Геракл, от смущения, даже уронил в траву свою дубину. Теперь он стоял перед смешливыми феминистками, не зная, куда девать свои огромные ручки.

Ипполита бесцеремонно, но с интересом, смотрела на Геракла. Скорее даже не смотрела, а любовалась им.

– Говори Геракл, зачем пришёл?

Детина смущённо буркнул:

– Я пришёл к тебе, Ипполита.

Глава феминисток удивилась.

– Ко мне?

Геракл буркнул ещё раз:

– Да...

Царица амазонок обернулась к своей свите и тактично попросила оставить её наедине с Гераклом. Амазонки незаметно исчезли, словно растворились в воздухе.

Ипполита сделала шаг навстречу Гераклу. Её высокую талию украшал пояс, сработанный самим Гефестом. О, как он шёл ей! Гераклу, даже, расхотелось отнимать его у Ипполиты.

Царица амазонок приветливо улыбнулась:

– Слушаю тебя, Геракл!

Геракл, по-прежнему, чувствовал себя неловко. Отведя глаза в сторону, сказал:

– Мне нужен твой пояс, Ипполита...

Улыбка на её лице стала шире:

– О, ещё один соискатель!

Удивлённо спросила:

– Зачем тебе мой пояс, Геракл? Он, ведь, будет мал для твоей могучей талии!

Геракл смущённо опустил голову.

– Я не стану его носить.

Лицо Ипполиты выразило недоумение.

– Тогда зачем просишь?

Геракл промолчал. Говорить правду он не хотел. Ипполита стояла перед ним, упругая и искромётная. Она, нетерпеливо, ждала от него ответа, но так не дождалась. На миг призадумалась. Потом в голосе её зазвучали кокетливые нотки: – Я согласна. Сними его!

Геракл растерянно спросил:

– Как?

Ипполита заливисто рассмеялась:

– Поймай меня и пояс твой! Согласен?

Геракл не верил своим ушам.

– Поймать тебя? Это просто!

Не обременённый дубиной и изысканными манерами, он, тут же, развёл свои ручки, как клешни, в стороны и ринулся на царицу амазонок. Ему казалось, что с этой хрупкой женщиной, он справится в два счёта.

Ипполита напряглась, но улыбка, по-прежнему, не поки-

дала её прекрасного лица.

– Удачи тебе, Геракл!

е устала! Всё! Плени меня!

Геракл, с превеликой готовностью, заключил Ипполиту в свои могучие объятия. Да, поначалу, в Геракл считал себя быстрым, однако Ипполита оказалась ещё быстрее! Его руки, всё время, смыкались там, где, за мгновение до этого, находилась, подвижная как ртуть, царица амазонок. Он всякий раз, неуклюже, хватал лишь воздух. Увёртываясь, царица подзадоривала его:

– Ах, Геракл, как ты неловок!

И снова его руки ловили только пустоту. Ипполита то стремительно уходила в сторону, то подныривала под железное кольцо его рук, то ловко скользила ему за спину. Свои движения, она сопровождала задорными восклицаниями:

– Геракл, ты куда? Там меня уже нет! Я здесь! Лови меня!

Игра Гераклу нравилась. Он с удовольствием принял, предложенные амазонкой, правила. Вот только поймать, увёртливую, как угорь, юную феминистку он никак не мог.

Наконец, набегавшись вволю, Ипполита выдохнула:

– Уф, Геракл, я ужидно, не рассчитал усилия. Царица амазонок сдавленно простонала:

– Ах, Геракл, осторожнее! Ты задушишь меня!

И, хотя, Геракл ослабил свои объятия, Ипполита всё равно не могла пошевелиться, а может и не хотела. Она разом почувствовала все выпуклости его юного, могучего тела. Ца-

рице амазонок ощущение понравилось. Она обвила шею Геракла руками и прижалась своей щекой к его щеке, покрытой шелковистой растительностью.

– О, Геракл, как сладостны твои объятия!

Юный атлет оробел: он не знал, что отвечать разгорячённой царице амазонок. Женщину он обнимал впервые, и ему это нравилось.

Ипполита поцеловала его, сначала, в щёку, а затем в губы.

– О, Геракл, какой ты сильный! Сколько в тебе мужской мощи и красоты!

И вновь Геракл не нашёлся, что ответить. Ипполита, игриво склонив голову ему на грудь, прошептала:

– Зачем тебе мой пояс, Геракл? Возьми лучше меня!

Геракл медленно разжал свои объятия. Он, от смущения, не знал, куда спрятать свои глаза.

– Сначала я возьму твой пояс, Ипполита. Я обещал...

С глубоким вздохом сожаления, амазонка отстранилась от могучей груди Геракла и расстегнула пояс.

– Возьми! Он твой!

Если бы не опрометчиво данное слово, Геракл ни за что не принял бы дара Ипполиты.

– Благодарю тебя...

Она нежно заглянула ему в глаза. Её густые волосы рассыпались по плечам.

– Ты ещё придёшь, Геракл!

Геракл смущённо буркнул:

– Приду, если отпустит мать Алкмена.

Ипполита снова прильнула к нему.

– Зачем тебе отпрашиваться у матери, Геракл?

Поднялась на цыпочки и, снова, поцеловала его в губы.

– Ты уже взрослый, Геракл! Ты волен поступать так, как велит тебе твоё сердце!

Геракл густо покраснел: таких слов ему ещё никто не говорил.

– Я... пойду?

Царица амазонок, с улыбкой, провела ладонью по его пылающей щеке.

– Иди, Геракл! Но помни, я буду ждать тебя!

Геракл, на прощанье, неловко притронулся пальцами к её обнажённому плечу. И тут же, как от огня, отдернул руку, когда случайно коснулся её высокой груди.

Подобрал, валявшуюся в траве, дубину. Пройдя десяток шагов, обернулся.

Царица амазонок стояла на том же месте. Она взмахнула рукой и звонко крикнула:

– Помни, Геракл! Я буду ждать тебя!

Юный атлет, молча, кивнул и пошёл дальше, уже не оглядываясь.

Всю сцену игры Геракла с Ипполитой наблюдали, случайно проходившие мимо, охотники. Они, с изумлением, смотрели на неприступную, презирающую мужчин, царицу амазонок. Она резвилась с Гераклом, как ребёнок. Видели,

и не верили глазам своим. Видели, как уходил Геракл, унося на одном плече свою дубину, а на другом бесценный пояс царицы амазонок. И он не отнял этот пояс силой, совсем нет! Им, по доброй воле, одарила его сама Ипполита, гордая и холодная. И сделала она это с нежной улыбкой. Невероятно! Как такое может быть? Если рассказать, то никто не поверит!

И народ, молодым охотникам, конечно же, не поверил бы. Сказал бы, что те плетут небылицы. Но есть ещё Го и Бо, Док и Дык. Это серьёзные охотники. Они не солгут. И они удивили народ своим рассказом. Очень удивили. Хотя, конечно, нашлись и скептики, которые, даже, им не поверили. Всё правильно: плюрализм мнений, или, другими словами, демократия.

Небожители же на это событие, вообще, не обратили никакого внимания.

Стоило уставшему, но довольному Гераклу появиться на знакомой улице, как его уже поджидал хитромудрый Эврисфей.

– Ну?

Геракл, с большой неохотой, протянул ему пояс царицы амазонок.

– Возьми и сгинь с глаз!

Эврисфей торопливо взял бесценную вещь. Он боялся, что взъерошенный Геракл передумает. Отскочив на безопасное расстояние, он, все же, поинтересовался:

– Бой был жарким?

Вместо ответа, Геракл, недвусмысленно, привёл в боевое положение свою дубину. Эврисфей всё понял.

– Ухожу, Геракл, ухожу!

По возвращении Геракла, обстановка в его доме не претерпела никаких изменений.

Чар, всё так же, сидел на мраморных ступенях, прислонившись спиной к колонне портика. Старый вождь, как всегда, видел цветные сны про старинную охоту. Временами у него вяло подёргивалась левая щека, совместно с левым ухом. Видно, переживал. На самом кончике его носа красовалась, грозя сорваться вниз, крупная капля. В лучах дневного светила она сверкала, как драгоценный камень.

Геракла уже ждала недовольная мать Алкмена.

– Рассказывай, где ты пропадал на этот раз?

Геракл, снова, густо покраснел. Будучи правдолюбом, он не хотел обманывать свою мать, но и правду говорить стеснялся.

– Нигде...

Алкмена пристально присмотрелась к подозрительному отпечатку на его лице.

– Что за краска у тебя на щеке?

Охнула от изумления:

– Неужели помада?

Растерянно приложила ладони к щекам.

– Так рано?

Геракл смущённо опустил голову. Он не нашёлся, что ответить своей матери.

Алкмена придирчиво присмотрелась к подозрительному пятну ещё раз.

– Так и есть! Это же отпечаток чьих-то губ!

Строго заглянула в глаза своему непутёвому сыну.

– Тебя целовала женщина?

Геракл сделал над собой усилие.

– Да...

Алкмена, в отчаянии, всплеснула руками.

– Да ты же, совсем, ещё мальчик!

Геракла, неожиданно, прорвало:

– Неправда. Другие говорят, что я уже взрослый.

Губы у Алкмены стали бледными.

– Кто говорит?

Геракл счёл за благо промолчать.

А мать Геракла продолжала яриться.

– Конечно же, этот бред несла та женщина, которая тебя целовала! Так?

«Блудный» сын снова промолчал.

Алкмена сокрушённо покачала головой.

– Взрослый? Поглядите на него! Он, взрослый! Да какой же ты взрослый, а? Какой? Ты же совсем ещё мальчик!

Хотела было всплакнуть, но солёная вода течь из глаз не пожелала.

– И когда ты, наконец, повзрослеешь?

Её сын поднял голову и пробасил:

– Я уже взрослый...

Алкмена, вместо ответа, лишь повертела пальцем у собственного виска.

А, тем временем, радостный Эврисфей торжественно вручил вожделенный подарок своему драгоценному чаду. Дочь Эврисфея пребывала на седьмом небе от счастья. Отныне только она хозяйка несравненного пояса. Теперь она станет самой красивой, стоит ей только подпоясаться сказочным поясом. Теперь, пожалуй, сама Ипполита станет ей завидовать. И поделом!

Однако мечты часто не согласуются с реальностью. К несчастью, с дочерью Эврисфея произошёл именно такой случай. Пояс царицы амазонок не украсил чадо Эврисфея, не сделал её красавицей. Скорее наоборот, он, почему-то, подчеркнул в её фигуре то, что надобно было скрыть.

Подпоясавшись царским поясом, Зая обратила ликующие взоры на отца.

– Ну как?

Эврисфей очень любил свою дочь. Хотя, хитрить и лстить он любил не меньше. Однако когда он увидел преображённую дочь, то мышцы лица его сами непроизвольно пришли в движение. Оно стало таким, словно хозяин его разом съел незрелый лимон.

Эврисфей улыбнулся. Но улыбка у него, тоже, получилась «лимонной».

– Ты прекрасна!

Пожевал губами, словно желая избавиться от «лимонного» вкуса.

– Только без пояса ты выглядишь ещё прекрасней!

Ещё немного пожевал губами.

– Он сильно портит твою красоту.

В глазах Зай, ликование сменилось разочарованием.

– Да?

Хитромудрый отец бодро подтвердил свою правоту:

– Тут и спорить нечего.

Зая сняла пояс.

– Что теперь с ним будем делать?

Эврисфей облегчённо вздохнул.

– Что с ним делать? Вернём его прежней хозяйке. Пусть он лучше уродует её!

Дочь и отец дружно рассмеялись...

Глава 3

Отклонение ноль

Атлантолог посмотрел на Ярилова так, словно уличил того в мелкой пакости.

Ярилов не мог, не заметить этого взгляда:

– Я чем-то провинился, Чарльз?

Смит загадочно улыбнулся.

– Может, быть...

– А конкретно?

– Если говорить конкретно, то наступает момент истины, дорогой Ник!

– То есть?

– Сегодня начинает свою работу наша глубоководная артиллерия. «Олимпия» стоит, точно, в той точке океана, где, по твоим прогнозам, находится центр Посейдониса.

– Ах, вот в чём дело!

Космонавт сделал вялый, протестующий жест рукой.

– Мой друг, я ведь не аптечные весы!

Смит рассмеялся.

– А мы проверим. Для того и стали здесь!

Тепло посмотрел на Ярилова.

– Если сказать честно, то мы верим твоим прогнозам. Они не подводили и подтверждались опытом. А практика, как из-

вестно, критерий истины. Акустический зондаж дна океана здесь, просто, отдыхает.

Они удобно разместились перед широким экраном. Каюта, из которой Смит и Ярилов руководили работами, напоминала, не то командный пункт, не то боевую рубку. Обставлена она была аскетически.

Сюда стекалась вся информация по текущим делам. А дел было много, и на поверхности и глубоко под килем. Квантово – цифровой, обладающий не хилой разрешающей способностью, компьютер готов был оперативно предоставить подробную визуальную информацию о том, что происходит, в данный момент, на глубине триста семьдесят метров.

Глубинные водные гаубицы уже работали, довольно, долго. У каждой был свой сектор обстрела и свой манёвр. Они действовали автоматически, в соответствии с заложенной в них программой. На ручное управление глубинная артиллерия переводилась только в том случае, когда требовалась ювелирная точность. А пока, они били по площадям. Методично оттесняя массы придонных отложений от центра к периферии, они создавали искусственное грязевое «торнадо», «глаз» которого должен был открываться всё сильнее и сильнее.

Какова толщина придонных отложений, и какую работу успели проделать машины, пока никто не знал. Обширный монитор демонстрировал лишь бархатную черноту.

Ярилов задумчиво произнёс:

– Всё, как в космосе, только без звёзд.

Смит оторвал взгляд от монитора и повернулся к собеседнику.

– Звёзд, действительно, нет, это правда. Зато скоро займётся «заря».

Космонавт переспросил:

– «Заря»? Что, это?

Чарльз охотно пояснил:

– Глубоководные машины работают при электрическом свете. Но вода, сейчас, настолько замутнена, что из глубины на поверхность не может пробиться ни один фотон.

– Как из чёрной дыры?

– Красивое сравнение.

Атлантолог поправил очки.

– Однако когда муть немного уляжется, тогда мы и увидим долгожданную «зарю».

– Сияние?

– Почти. Мы увидим слабое, рассеянное свечение.

Неожиданно с палубы донёсся возглас, да такой зычный, что Ярилов немного вздрогнул. Он, сразу же, всколыхнул сонную атмосферу каюты. Это был даже не бас, а целая иерихонская труба. Такой голос мог бы спокойно сотрясать воздух, на расстоянии в целую морскую милю, без всяких усилителей. Ярилов уже знал, более-менее, всю команду, но хозяина голоса не признал. Видно, тот исторг звук, находясь в особом состоянии духа. Хотя, в рутинной жизни, голос его,

по-видимому, ничем особенным не отличался.

Сверху вещали:

– Эй, все наверх! Скорее! Здесь творится такое! Под килем пошла другая вода!

Ник поморщился.

– Кто это такой голосистый?

Чарльз улыбнулся.

– Боцман! Только он может так звучать, и то только по большим праздникам.

При слове «боцман», Ярилов вспомнил тумбообразного детину с низким голосом. Его, кажется, звали Жак. А вот фамилию он запомнил. Жак вечно ходил, либо с банкой, либо с бутылкой, наполненной его любимым напитком. По его словам, он пил, чтобы соблюсти в организме водный баланс. Шутник и балагур, он говорил, что пиво заменяет ему одновременно и молоко и «колу». Несмотря на то, что он постоянно квасил слабый алкоголь, обязанности свои исполнял отменно, а потому, руководство экспедиции смотрело на его, не очень здоровую привычку, сквозь пальцы.

Ярилов ещё вспомнил, что от него всегда несло чем-то кислым. Вначале он подумал, что бедный боцман трезвенник, а это балует его организм, вырабатывая, вопреки воле хозяина, лишние молекулы этилового спирта, которые затем испаряются совместно с трудовым потом. Ан, нет, здесь на лицо был заядлый любитель пива, который без ячменного напитка не мог прожить и дня!

Смит спокойно сказал:

– Пойдём, глянем, из-за чего переполох. Боцман зря икру метать не станет!

Они поднялись на палубу. Там увидели несколько, свободных от вахты, матросов, во главе с боцманом. Вся галдящая компания, дружно повисла на поручнях и напряжённо смотрела вниз.

Начальник и его заместитель последовали примеру моряков и увидели удивительную картину. Вокруг судна образовался идеальный, тёмный круг. Из пучины непрерывно фонтанировала какая-то тёмная масса. Словно разверзлись донные хляби, и их невзрачное содержимое устремилось к солнцу.

При виде странного явления, в голову Ярилова, поначалу, полезли самые фантастические предположения.

Глядя на его напряжённое лицо, Смит улыбнулся.

– Хочешь, угадаю, о чём ты думаешь?

– Хочу.

– О проделках внеземной цивилизации, например...

Ярилов тоже улыбнулся: напряжение спало.

– Почти.

– Всё гораздо прозаичнее.

Ника осенило.

– Ты хочешь сказать, что это результаты работы твоей глубоководной артиллерии?

Атлантолог кивнул.

– Именно это я и собирался сказать!

Ярилов удивился.

– Никогда бы не подумал, что получится такой эффект.

Ну и мощь!

Учёный удовлетворённо посмотрел на собеседника.

– Я тоже! И это прекрасно, что практический результат превосходит наши ожидания!

Хитровато усмехнулся.

– А что пряталось под пуховым одеялом донных отложений, мы скоро увидим.

Потом он успокоил команду:

– Ничего страшного. Мир не перевернулся. Это ил, поднявшийся со дна. Скоро он рассосётся, и море станет прежним.

Интрига умерла, едва родившись. Моряки разошлись по своим делам.

Боцман разочарованно пробормотал:

– Я думал, что случилось что-нибудь серьёзное! А тут грязь со дна. Тьфу!

Он тоже пошёл к себе, смачно печатая шаги своими могучими ступнями.

Чарльз и Ник постояли на палубе ещё с полчаса, наблюдая за эволюцией грязевого пятна. Вскоре, круг стал терять свою правильную форму, выбрасывая протуберанцы и постепенно превращаясь, не то в гигантского паука, не то в исполинского осьминога.

Смит тронул Ярилова за плечо.

– Кино закончилось. Пора глянуть на монитор.

– Пора.

По пути в рубку, Ярилов спросил:

– Чарли, как ты думаешь, центр города уже отработан?

– Могу только гадать, – ответил учёный: всё зависит от мощности донных отложений. Судя по количеству грязи, какой-то результат уже должен быть.

Изменения коснулись не только моря, но и монитора. Тот выглядел уже не безнадёжно чёрным. То в одном месте, то в другом, чернота его стала оживляться туманными пятнами. Они, то появлялись, то исчезали, но уже как явление, существовали.

Космонавт любопытствовал:

– Обещанное сияние?

Учёный кивнул головой.

– Самого сияния ещё нет, но предвестники его уже есть.

Однако время летело, а изображение на мониторе почти не менялось.

Подавляя зевоту, Ярилов, как мог, процитировал стишок из далёкого детства:

– Ох, тяжёлая эта работа, из болота тащить бегемота!

Атлантолог удивился.

– А зачем из болота тащить бегемота? Не надо тащить его оттуда. Ему там хорошо.

Ярилов рассмеялся.

– Он сам оттуда вылезет?

Учёный бодро ответил:

– Конечно. Надо, только, немного подождать.

Через некоторое время, туманные образования обрели устойчивость и стали более светлыми.

Учёный весело прокомментировал:

– Ну, что я говорил!

Однако «Рассвет» занимался медленно. Монитор демонстрировал лишь серовато – белесое марево.

Ярилову не терпелось увидеть хоть, что-нибудь.

– Видимость, по-прежнему, нулевая.

Смит отреагировал спокойно:

– Не спеши, дорогой Ник! В нашем деле главное – это терпение. А результат придёт.

– Какой?

– Надеюсь, положительный.

– А если отрицательный?

Учёный рассмеялся.

– Тогда трибунал, и ты будешь разжалован из оракулов в рядовые смертные! Чего не хотелось бы.

Ярилов картинно схватился за голову.

– Какое падение! Я этого не переживу!

Смит продолжал смеяться.

– Я тоже! Поэтому будем надеяться, что ты сохранишь титул пророка!

Пробили склянки. Какие по счёту, Ярилов уже не помнил.

Бьют себе и бьют. Но эти были особенные. Они возвестили о конце трудового дня.

Смит устало потянулся в кресле.

– На сегодня всё, Ник.

Ярилов разочарованно произнёс:

– «Рассвет» так и не наступил.

Учёный спокойно ответил:

– Не беда. Не наступил сегодня, наступит завтра.

Чуть подумав, добавил:

– Виновата артиллерия. Тем не менее, она сегодня поработала славно!

Космонавт согласился.

– Что славно, то славно!

Атлантолог продолжил свою мысль:

– Сделали влажную уборку.

– После такой уборки, дно должно быть, безусловно, чистым.

– Безусловно, мой друг!

Уставшая «Олимпия» вернулась на ночлег, оставив на месте работы яркий буёк. Завтра, отдохнув, она вернётся на прежнее место.

Ярилов стоял на палубе и любовался закатом. Предзакатные картины поражали его своим размахом и тонкой игрой небесных красок. И главное, ни строения, ни другие препятствия, не мешали ему наслаждаться созерцанием вселенского зрелища.

Какая ширь! Какая мощь!

Солнце незаметно катилось по покатому небосклону вниз. И чем ниже оно опускалось, тем больше раздувалось и краснело, словно гневало на кого-то. Уже, у самой воды, оно так разъярилось, что стало похоже на раскалённое железо. Но хрустальная стихия встретила его совсем без страха. И вот край раскалённого диска приблизился к последней грани. Ещё немного и две непримиримые стихии столкнутся. И тогда грянет такая вселенская катастрофа, что и помыслить страшно!

Однако когда край диска коснулся воды, ничего не произошло. Зато, на её зеркало легла красная, голливудская дорожка невиданной красоты. Торжественная и яркая, развёрнутая невеста для кого. Она начиналась от горизонта и заканчивалась у самого борта «Олимпии». Она манила. Она приглашала пройти по ней. Куда? Наверное, туда, где обитают, в своих волшебных мирах, мечты.

Ярилов зачарованно смотрел, как раскалённый диск дневного светила погружается в хрустальную толщу океана. И вот на поверхности осталась только его макушка. Ещё немного и, мигнув на прощанье красным огоньком, исчезла и она. Вместе с ней, вдруг, пропала, словно растворилась в воде, и торжественная дорожка.

Нику стало немного грустно от того, что волшебство закончилось. Он глубоко вздохнул. Свежий, морской ветерок приятно охлаждал грудь. Портовые шумы утихли. Пристань,

после знойного дня, отходила к покою. Незаметно и властно воцарилась тишина. Лишь изредка, её бесцеремонно нарушали резкие крики чаек.

Ярилов глянул на часы: приближалось время вечернего чаепития. Идею предложил Смит. Она Ярилову понравилась. Можно не спеша обсудить насущные проблемы, или, просто, поболтать о всякой всячине. Интересно и приятно. Угощались по очереди. Сегодня была очередь Смита.

Космонавт уже собрался было отправиться в гости к атлантологу, как услышал неожиданный оклик. Это был детский голос. Он обращался, на ломаном английском, неизвестно к кому:

– Эй, мистер!

Ярилов обернулся. На краю причала, у самой воды, напротив «Олимпии» стояли, стояли два мальчугана. Один совсем маленький, лет восьми, а другой выглядел постарше. Навскидку, ему можно было дать лет двенадцать. Он на целую голову был выше своего спутника. Мальчуганы, задрав голову, глядели в его сторону.

Ярилов, присмотревшись к бесприютным малолеткам, подумал: «Так, наверное, должны были выглядеть настоящие гавроши, некогда воспетые Виктором Гюго». Особенно сильное впечатление произвела на космонавта их безразмерная одежда и босые ноги.

Ярилов спросил:

– Кого зовёте?

Мальчик постарше, бойко ответил:

– Вас, мистер!

Космонавт остановился.

– Слушаю вас.

Мальчуган поприветствовал космонавта:

– Добрый вечер, мистер!

Ярилов, тронутый вежливостью мальчика, ответил:

– Добрый вечер, джентльмены!

Повисла небольшая пауза. Бойкий, поначалу, мальчуган немного замялся. Он, видно, хотел сказать что-то ещё, но стеснялся. Ему на помощь пришёл его младший брат. Смотрел он, исподлобья, не мигая. Мальчуган, неожиданно, сделал Ярилову комплимент:

– Вы, мистер, хороший человек!

Его слова удивили Ярилова.

– Вот как! А почему ты так считаешь?

Мальчуган продолжал смотреть на космонавта, в упор.

– Вы, мистер, не прогнали нас прочь, как другие. Вы добрый, сразу видно!

В душе Ника шевельнулась жалость.

– Джентльмены, у вас есть родители?

Старший мальчик закачал головой.

– У нас нет родителей, добрый мистер. Мы сами по себе.

У Ярилова сжалось сердце.

– Вы, надо полагать, братья?

Старший мальчик снова закачал головой.

– Нет, мы друзья. Вдвоём легче.

Младший мальчик подтвердил:

– Легче.

– И давно вы вместе?

Старший мальчик поднял к небу свои бойкие глаза, прикидывая:

– Очень давно. Я даже и не вспомню, сколько.

Посмотрел на своего друга.

– Может, с позапрошлого года, а может, и раньше.

Младший мальчуган буркнул:

– Раньше.

Ярилов грустно подвёл промежуточный итог:

– Значит, джентльмены, вы совсем свободные люди?

Младший мальчуган шмыгнул носом.

– Совсем.

– А имена у вас есть?

Старший мальчик удивился вопросу.

– Есть, конечно.

Ярилов спросил у него:

– Ну и как тебя зовут?

– Христофор.

Космонавт многозначительно щёлкнул пальцами.

– Хорошее у тебя имя, знаменитое!

Мальчуган поинтересовался:

– А чем оно знаменитое?

Ярилов улыбнулся.

– Ты что-нибудь о Колумбе слышал?

Гаврош покачал головой.

– Нет.

– Жаль.

– А кто такой, этот Колумб?

– О, это замечательный мореплаватель!

– А что он сделал?

– Открыл Америку!

– О!

Ярилов подмигнул мальчику.

– А звали его, как и тебя, Христофор. Теперь ты понял?

– Понял...

– Так, что носи с гордостью это имя. Может, и сам, что-нибудь, когда-нибудь, откроешь!

Обратился к младшему мальчугану:

– А тебя как зовут, малыш?

Тот уставился на Ярилова своим, неподвижным взглядом.

– Мигель.

Космонавт добродушно рассмеялся.

– Тебе тоже повезло.

– В чём?

– Повезло с именем. Оно тоже знаменитое!

Мальчуган неожиданно сказал:

– Я знаю.

Ярилов удивился.

– Откуда?

Мальчишка рассудительно ответил:

– Слышал разговор двух, умных с виду, господ. Они говорили, о каком то писателе Сервантесе. Его, как и меня, звали Мигель. Вот.

Ник похвалил мальчика:

– Молодец!

Представился сам:

– А меня, джентльмены, зовут мистер Ник.

Улыбнулся.

– А теперь, после того, как мы познакомились, скажите, чем я могу быть вам полезен?

Друзья переглянулись. Христофор наклонился к Мигелю и что-то шепнул ему на ухо. Тот кивнул головой. Христофор поднял глаза на Ярилова.

– Добрый мистер Ник, угостите нас жвачкой и «колой», если можно.

У Ярилова снова сжалось сердце. Он быстро ответил:

– Я постараюсь принести то, что просили. Никуда не уходите!

Он шустро спустился в камбуз. На его счастье, корабельный кок еще не ушёл. Неожиданное появление Ярилова удивило его.

– Что случилось, господин Ярилов?

Ярилов торопливо спросил:

– Жвачка и «кола» у вас есть?

– Есть.

– Тогда две жвачки и две «колы»!

– Фирма?

– Не имеет значения. А бутылки с «колой» должны быть самые вместительные.

Кок сноровисто упаковал заказ в два пакета.

Ярилов, подумав, добавил:

– А ещё четыре больших бутерброда. Нет, лучше восемь!

– Бутерброды с чем?

– На ваше усмотрение. Но, чтобы было вкусно и сытно.

– С ветчиной и сыром пойдёт?

– Пойдёт!

– Принято.

Ярилов суетливо расплатился, а кок вдогонку спросил:

– Для кого всё это изобилие, если не секрет?

Ник на бегу ответил:

– Не секрет. Для юных джентльменов!

Появление доброго дяди с двумя большими пакетами, вдохновило заждавшихся пацанов. Они, с улыбкой, уставились на него.

Ярилов свесился через поручни.

– Ловите!

Христофор ловко, один за другим, поймал оба пакета. Один тут же протянул другу. С нетерпением заглянули внутрь. Их улыбки стали ещё шире.

Христофор отблагодарил Ярилова:

– Спасибо, добрый мистер Ник!

Ярилов, с улыбкой, ответил:

– Ничего не стоит!

И тут подал голос Мигель:

– Нет, добрый мистер, стоит! Я знаю.

«Какой рассудительный мальчик!» – подумал Ярилов.

Христофор вежливо спросил:

– А завтра нам прийти можно?

Космонавт улыбнулся.

– Конечно, можно. Только с работы мы возвращаемся поздно.

– Ничего, мы подождём.

Мигель добавил:

– Нам спешить некуда.

Старший мальчуган стеснительно поинтересовался:

– А вы угостите нас ещё раз, добрый мистер? Но если не угостите, мы не обидимся.

Ярилов кивнул головой.

– Без проблем. Приходите!

Мигель философски заметил:

– Таких, как вы, мистер Ник, точно мало!

Ярилов с улыбкой пожал плечами. Гавроши, на прощанье, помахали ему рукой.

– Мы пошли. До встречи, добрый мистер Ник!

Ярилов ответил:

– До встречи!

Они ушли, а космонавт ещё некоторое время глядел им

в след. Пацаны шли размашисто, замечая широкими штанинами пыль набережной.

«Похоже, у меня появились новые друзья, – с грустью подумал Ярилов, – и не откуда-нибудь, а из самой народной гущи. Им бы учиться, а они попрошайничают».

Ему было невдомёк, что эти милые пацаны – засланные казачки! А может и хорошо, что он не знал этого.

Покачав головой, Ярилов прошёл в каюту Смита. Атлантолог уже жаждался его.

Глава 4

Остров Эгины

Нескладный, но смекалистый охотник Асоп всегда имел своё, собственное мнение. Отсюда некоторые, склонные к скорым умозаключениям, люди считали его чудаком. Почему? Да потому, что он упрямо гнул свою линию. А то, что думали о нём досужие умы, его совсем не трогало.

Все его соседи поселились на берегу реки. И приятно и удобно. А он нет. Ему, почему-то, понравился дикий островок на середине реки. Той самой реки, на берегу которой любила загорать Антиопа. Из-за непроходимой растительности, желающих заселиться на островок не находилось. Благоразумные люди боялись трудностей с корчёвкой. А Асоп не испугался и правильно сделал. Пусть потрудился, зато, на зависть другим, создал собственный эдем.

Правда, теперь ему пришлось сменить профессию. Из охотника он переквалифицировался в рыбака. Благо, рыбы у берегов его вотчины было много и самой разной. Она сама шла к нему в руки. Вскоре Асоп стал непревзойдённым мастером своего нового дела.

А ещё Асоп, несмотря на хмурый вид и неразговорчивость, слыл человеком добрым и, где-то даже, бескорыстным. Очень часто, избыток пойманной рыбы он не менял

на золотые кружочки, а раздавал просто так, чем вызвал к себе всеобщее уважение.

Его супругу звали Асопа. Она являла собой полную противоположность своему чудаковатому мужу. Круглая и пушистая, она постоянно издавала какие-то звуки и восклицания. Звучала Асопа, в основном, от восхищения и восторга. Реже от огорчения. Она была несказанно довольна своим бытием на этом дивном острове. Так и каталась звонким и круглым мячиком от берега к берегу, радуясь всему, что встречалось на её пути.

А ещё у Асопа с Асопой росла, а если выразится точнее, то уже выросла дочь, которую звали Эгина. Нельзя сказать, что их дочь выглядела писаной красавицей. Однако в ней было столько пленительности, что пройти мимо, не засмотревшись на неё, было очень нелегко.

Эгина позаимствовала от своих родителей самое лучшее. Особенно, округлость форм и их пушистость, от матери. Когда она двигалась, то формы её ладной фигуры тоже приходили в движение. Каждая, по-своему. И выглядело всё это совсем не манерно, а интригующе мило.

А вот глаза Эгины, в отличие от беспокойных форм её фигуры, пребывали, с недавних пор, в неподвижной задумчивости. Это она погружалась в омут, новых для неё, ощущений и никак не могла их понять. Они и манили и пугали её. Бедная Эгина ещё не догадывалась, что она стала уже совсем взрослой!

Ах, если бы её отец поймал хотя бы одну волшебную рыбку, с которой она могла бы подружиться, а, заодно, и поделиться с ней своим самым сокровенным. Подругам она не доверяла. Они казались ей болтливymi и насмешливыми. А вот волшебная рыбка – это совсем другое дело! Она всегда прилежно выслушает и никогда не разболтает, доверенную ей, тайну! Однако волшебная рыбка, почему-то, не ловилась, а всё попадалась другая, холодная, скользкая и невзрачная...

И тогда Эгина взбиралась на большой камень, который высился на самом краю островка Асопа и глядела в сторону большой воды. Её воображение манила серебристая полоска, которая отделяла небо от земли. Вот там, в хрустальном лоне этой серебристой полоски, должно быть, и жила волшебная рыбка. Эгина лишь горько вздыхала о том, что сетям её отца никогда не дотянуться до волшебной рыбки. Вскоре, частое посещение мечтательной Эгиной макушки большого камня, незаметно превратилось в милую привычку...

Проникаясь благами цивилизации, народ, оставив свои пещеры, всё прибывал и прибывал в город. А тот, в свою очередь, вынужден был разрастаться, чтобы гостеприимно вместить всех желающих. Теперь стало главным, чтобы город развивался в нужном направлении. Вот за этим и следил царь богов и смертных, Зевс, время от времени, инспектируя территории Посейдониса на своём летательном аппарате.

Пролетая над рекой, громовержец увидел песчаный пятак. Там он, совсем недавно, вместе с прелестной Антио-

пой принимал ночной загар. Сейчас пятачок был пуст. Зевс грустно вздохнул и отвернулся. Его могучее сердце вздрогнуло и немного сбилось с ритма...

Воздушная инспекция Зевса подходила к концу. Он вознамерился было лететь домой. И здесь, в самый последний момент, его внимание привлёк небольшой, дикий островок на середине реки. Вернее, не сам островок, а белое вкрапление в его непролазной зелени. Ему захотелось рассмотреть эту удивительную аномалию поближе.

Подлетел. Спланировал. Его удивлённому взору открылось добротное строение, находящееся в буйном, зелёном окружении. Громовержец подивился изобретательной настойчивости смертного, и мысленно одобрил его твёрдость в достижении поставленной цели. Но это было ещё не всё. На вершине, стремительно мелькнувшего мегалита, он заметил ладную, женскую фигурку. Та пребывала в задумчивой позе, украшая собой макушку камня. Она сразу овладела вниманием истинного ценителя женской красоты. Зевс тут же снизился и, чтобы не тревожить мечтательницу, тихо приземлился позади каменного выступа.

Увидев, неизвестно откуда взявшегося небожителя, Эгина оцепенела от неожиданности и страха. Инстинктивно поднесла ладони к лицу, не смея взглянуть на, стоящего у подножия камня, неземного красавца.

Зевс, с улыбкой, попытался разубедить юное существо в её напрасных страхах:

– Не бойся меня, красавица, я совсем не страшен!

Увещевание подействовало. Она немного опустила руки и украдкой глянула на небожителя: он, действительно, был не страшен! Так близко от себя царя богов она никогда не видела. Его мужественная красота сразила её наповал. Она невольно залюбовалась им, хотя, понимала, что это нескромно.

Дрожа, как осиновый лист, юное создание стало спускаться вниз. Руки и ноги плохо слушались её. Чтобы не смущать бедную красавицу, громовержец отвернулся.

И только после того, как она достигла основания каменного выступа, он ласково произнёс:

– Я так бесцеремонно нарушил твоё уединение, прелестное создание, а потому заслуживаю твоего порицания!

Учтивость небожителя Эгине понравилась. Она стала приходить в себя.

И всё же, великое смущение, пока, мешало ей говорить.

Зевс тихо спросил:

– Скажи мне, красавица, как твоё имя?

Эгина потупилась и промолчала.

Голос небожителя прозвучал настойчивей:

– У тебя нет причин смущаться меня!

Создание впервые осмелилось разомкнуть свои уста:

– Эгина...

Громовержец улыбнулся.

– Эгина? О, прекрасно! Какое милое имя и оно так идет

тебе!

Заглянул в её карие глаза.

– А как меня зовут, знаешь?

Волнение Эгины усилилось.

– Тебя все знают...

Стуча зубками, она ответила:

– Ты, великий Зевс...

Голос небожителя серебрился, как лунный луч на воде.

– Прелестная Эгина, а что ты делала на вершине большого камня?

Она впервые осмелилась посмотреть прямо в глаза небожителю, правда исподлобья.

– Смотрела на большую воду.

– О чем были твои мечты?

Осмелевшая было Эгина, снова смутилась. Несмотря на всё своё обаяние, небожитель не был той волшебной рыбкой, которой она могла бы доверить все свои тайны. К тому же, он был слишком говорлив.

Увидев её смущение, обворожительный искуситель тут же исправился.

– Не отвечай, прелестная Эгина. Я догадываюсь о чём...

Девушка смутилась ещё больше. Небожитель стал рядом с ней. Он едва заметно коснулся её обнажённого плеча. Эгина напряглась, как перетянутая струна, но не отпрянула от него.

Глаза небожителя окрасились в цвета утреннего моря.

– Ты такая пленительная, Эгина! Такая чистая и такая волшебная...

Щёки её зарделись. Случилось невероятное, несбыточное: ей говорил нежные слова сам Зевс! Как тут не закружиться голове?

И голова у бедной Эгины, в самом деле, закружилась.

– А я и не знала...

Ей так хотелось и дальше слышать, сладостные для её уха, слова. И она их слышала:

– Ты самое прелестное создание!

Она блаженно закрыла глаза.

– О!

Она совсем рядом почувствовала горячее дыхание небожителя.

– И ты мне нравишься!

Красавица совсем растаяла.

– О, таких хороших слов мне ещё никто не говорил...

Теперь ему осталось сделать совсем небольшое усилие. Зевс невесомо возложил свои могучие руки на хрупкие плечи Эгины. Его лазурные глаза искрились.

– Прелестная Эгина, а я тебе нравлюсь?

Её щёки запылали, как маков цвет.

– Да...

Потупилась.

– Только, мне страшно...

Небожитель нежно коснулся её волос.

– Волшебная Эгина, ты хочешь, чтобы мы вместе любовались большой водой?

Красавица едва не задохнулась.

– Хочу!

Заглянула небожителю в глаза.

– Когда?

– Сегодня, ночью!

Глаза её расширились.

– Ночью? Разве ночью отсюда можно увидеть большую воду?

Зевс покровительственно улыбнулся.

– Можно! Ведь нам будут светить сразу все звёзды необъятного неба!

Она впервые изобразила на своём лице подобие улыбки и неуверенно согласилась с небожителем.

– Разве, что звёзды...

– Ты будешь меня ждать у этого камня?

Эгина тихо кивнула головой.

– Буду...

– Я приду к тебе, когда небо станет совсем тёмным!

Громовержец, неожиданно для Эгины, наклонился и поцеловал её в полуоткрытые губки. Затем повернулся и зашагал к своему прозрачному, небесному аппарату. Эгина лишь растерянно смотрела ему вслед...

Посейдон шёл к себе спокойно отобедать, когда, вдруг, дорогу ему заступил Зевс. Царь морей был немало удивлён

внезапным появлением громовержца. Особенно Посейдона удивила, не свойственная его натуре, чрезмерная оживлённость.

– Приветствую тебя, мой Посейдон!

Царь морей остановился.

– И тебе всегда здравствовать, мой Зевс!

Громовержец раздольно улыбнулся.

– У меня к тебе предложение, мой Посейдон!

Владыка морей почувствовал неприятность.

– Какое?

– Приглашаю тебя к нам, на обеденную трапезу.

Посейдон криво усмехнулся.

– Очередная авантюра?

Зевс вынужденно схитрил.

– Гера просила!

Царь морей недоверчиво покачал головой.

– Гера?

Громовержец торопливо подтвердил:

– Гера!

Посейдон с трудом согласился.

– Иду, но только ради Геры.

Царица богов встретила высокого гостя, действительно, радушно.

– Я счастлива, видеть тебя, дорогой Посейдон!

Владыка морей вежливо улыбнулся.

– Благодарю за приглашение, дорогая Гера!

Небожителей, как всегда, ожидал изобильный стол. Трапезничали неторопливо и с явным удовольствием. Говорили о всяких пустяках. Смеялись. Посейдон иногда подозрительно поглядывал в сторону Зевса, ожидая подвоха. А подвоха всё не следовало. Трапеза благополучно подходила к своему завершению. Посейдон уже начал было успокаиваться, когда заметил, что громовержец нетерпеливо ёрзает на своей роскошной скамье. Но не придал этому факту особого значения.

А громовержец, глядя невинными глазами на супругу, так запел старую песню:

– Знаешь, милая Гера, ко мне от Посейдона поступило интересное предложение.

Гера настороженно подняла свою красивую голову.

– Снова?

Какое ему поступило предложение от Посейдона, Зевс, пока, не знал. Однако, как всегда, он надеялся, что ситуация прояснится в ходе дискуссии. А ещё, он надеялся на поддержку Посейдона. Если не в роли активного участника, то хотя бы в роли статиста.

– Я полагаю, дорогая Гера, что уважаемый Посейдон тебе лучше изложит содержание этого предложения. Автор идеи – он!

У владыки морей мгновенно пропал аппетит. Зевс, снова, поставил его в неловкое положение. И, снова, внезапно! Сколько, можно! На волне, вполне законного, возмущения у Посейдона прорезалось мстительное желание хотя бы

один раз проучить этого, не в меру, обнаглевшего ловеласа. Но чувство мужской солидарности пересилило. Вымучив на своём лице непринуждённую улыбку, он ответил:

– Да, милая Гера, каюсь, предложение поступило именно от меня. Оно мне показалось весьма занятным. Я, просто, не мог поступить иначе. А Зевс, не смотря на свою занятость, моё предложение охотно принял. Нашёл его стоящим, за что я ему весьма признателен.

Гера нетерпеливо перебила владыку морей:

– Так в чём же смысл твоего предложения, мой Посейдон?

Посейдон, опять, попытался потянуть волынку:

– Дело в том, милая Гера, что в Немейском лесу...

Царица богов не дала ему договорить.

– Опять Немейский лес? Я не ослышалась?

Посейдон благодушно кивнул.

– Именно так, милая Гера.

Супруга громовержца иронично усмехнулась.

– И, в который уже раз, ночью?

Владыка морей тяжело вздохнул.

– Увы, дорогая Гера, иначе никак нельзя.

Хозяйка дома продолжала иронично смотреть на царя морей.

– Интересно, кого на этот раз вы собираетесь там наблюдать?

Вопрос не в бровь, а в глаз! Царь богов и владыка морей беспомощно переглянулись: хоть убей, но, на данный мо-

мент, они, действительно, не знали, что они собирались наблюдать в Немейском лесу! Четвероногие были? Были! Безногие были? Были! Были, даже, многоногие! Ещё не доставало рыбы. Но рыба в лесу не водится...

Если бы, в этот момент, Гера нарушила нравственное ве-то и прочитала их мысли, то она бы, тотчас, их разоблачила. Они стали бы выглядеть, в её глазах, мелкими, смешными обманщиками. Но, даже, не это главное. Главное то, с какой целью они это делали много раз! Вот здесь громовержцу пришлось бы отвечать своей проницательной и принципиальной супруге по полной программе!

Царица богов этого, конечно, не сделала, а стала терпеливо ждать ответа от, немного смутившегося, царя морей. Наступил критический момент: надо отвечать немедленно и правдоподобно или их ждёт неминуемое фиаско! Репутация Посейдона, естественно, пострадала бы, но значительно меньше, чем репутация громовержца. Тот понёс бы большие репутационные потери! Небожителям надлежало срочно искать выход из затруднительного положения. И Зевс нашёл его.

– Членистоногое!

И у Посейдона и у Геры, одновременно, от изумления округлились глаза. Супруга Зевса воскликнула:

– Что?

Громовержец неуверенно повторил:

– Членистоногое.

На помощь Зевсу пришёл Посейдон.

– Зевс имел в виду паука!

Гера брезгливо поморщилась.

– Паука?

Зевс радостно кивнул.

– Большого паука!

Для усиления впечатления, добавил:

– Очень большого паука, моя Гера!

Супруга громовержца скептически покачала головой.

– А разве очень большие пауки бывают?

Взбодрившийся Зевс уверенно ответил:

– Бывают, дорогая Гера.

Владыка морей поддакнул громовержцу.

– Бывают! Большие и лохматые!

А Зевс, с серьёзным выражением лица, продолжал вдохновенно городить нелепицы:

– Охотники, которые его нечаянно встретили ночью, ужаснулись его размеров.

Гера продолжала сомневаться.

– А почему охотники не убили это насекомое?

– Они испугались и убежали!

Гера удивилась.

– Отчего?

И тут Зевс высказал исключительно удачную мысль, которая в корне поменяла всю ситуацию.

– Он позвал их к себе!

Супруга громовержца, на мгновение, даже потеряла дар речи.

– Позвал? Паук?

Зевс же, как ни в чём не бывало, продолжил:

– Да, милая Гера, он позвал их!

Многозначительно поднял перст.

– Телепатия!

Настроение Геры сразу переменялось.

– О, это очень интересно!

Громовержец внутренне поздравил себя с успехом.

– Именно, на этот феномен и обратил своё внимание благородный Посейдон! Именно, этим феноменом он и заинтериговал меня!

Но Гера продолжала сомневаться.

– Почему нужно идти ночью?

Дальше, для Зевса, всё было просто. Он, не задумываясь, ответил:

– Этот монстр ночное насекомое, моя Гера, и охотится он только в тёмное время суток.

– А как вы, в таком случае, его найдёте?

Громовержец усмехнулся, показывая всем своим видом, что это дело для них совсем пустяковое.

– По глазам! В темноте они светятся зелёным цветом.

Владыка морей дорисовал картину.

– Иногда красным, когда в гневе!

Царица богов, похоже, окончательно поверила небесным

балагурам.

– О, как любопытно...

И здесь же решительно обозначила свою позицию:

– Я иду с вами! Хочу увидеть это чудовище!

Посейдон неуверенно повёл плечом.

– Я буду только рад.

И Зевсу, тоже, ничего не оставалось, кроме как согласиться с предложением Геры.

– Хорошо, дорогая Гера.

Царица богов уже вознамерилась было окончательно остаться довольной итогами беседы, как её супруг, вдруг, проронил незначительное замечание:

– Тебе может не понравиться одна мелочь.

Гера насторожилась.

– Какая?

– У этого паука, как свидетельствуют очевидцы, имеется многочисленное потомство. До тех пор, пока выводок пребывает в состоянии раннего детства, он никогда не расстаётся с родителями. Потомство передвигается на материнской спине, как десант, цепляясь за хитиновые ворсинки.

Гера брезгливо передёрнула царственными плечами.

– Ну и что?

– Дело в том, что потомков у паука много. Охотники сказали, что не счесть. Хотя я им не верю. Сосчитать можно всё!

Напряжение Геры росло.

– К чему ты всё это говоришь мне, мой Зевс?

– А к тому, милая Гера, что при остановке родителя, десант моментально спешивается и стремительно разбегается в непредсказуемых направлениях.

Внёс свою лепту и владыка морей:

– Они легкомысленны, но очень любознательны.

Зевс обогатил информацию о паучьем потомстве ещё одной сентенцией:

– К тому же, не смотря на юный возраст, у них довольно цепкие лапки. Им ничего не стоит передвигаться по поверхности ткани.

На холёном лице Геры обозначилась брезгливая гримаса.

– Фу, какая мерзость!

Она скорбно собрала губки бантиком и сделала, желанное для громовержца, заявление.

– Я не иду в Немейский лес!

Зевс с энтузиазмом одобрил её решение:

– Хороший выбор, дорогая Гера!

Гера с тревогой посмотрела на гривастых небожителей.

– Может, и вам не следует ходить туда, а?

Братья переглянулись и выпятили могучую грудь. Каждый, свою. Зевс безапелляционно заявил:

– Нам нельзя не ходить, дорогая Гера. Мы ведь не охотники, а исследователи. А ради науки рискнуть следует.

Тут же поправил сам себя:

– Хотя, никакого риска в этом эксперименте я не вижу.

Посейдон одобрил решение брата.

– Зевс прав, моя Гера!

Хозяйка дома грустно произнесла:

– Мне снова придётся напрашиваться в гости...

После обеденной трапезы громовержец и царь морей вышли на открытый воздух.

Зевс пребывал в прекрасном расположении духа.

– Благодарю тебя, мой Посейдон, ты снова оказался на высоте.

Владыка морей усмехнулся.

– И до каких пор всё это будет продолжаться?

Громовержец пожал плечами.

– Не знаю. Хотелось, чтобы долго. Земные женщины так красивы!

– Боюсь, долго не получится, мой Зевс. Гера, однажды, догадается о наших проделках и тогда не миновать беды.

Громовержец рассмеялся.

– Она не догадается. Мы работаем чисто.

Посейдон безнадежно махнул рукой.

– Дорогой Зевс, ты, находясь в плену собственных интересов, дальше своего носа ничего не видишь!

Зевс оптимистично парировал:

– Не сгущай краски, мой Посейдон!

Уже уходя, владыка морей спросил:

– Надеюсь, моя яхта не будет занята?

В ответ, Зевс весело покачал головой.

...Было совсем темно, когда аппарат Зевса бесшумно сел

у подножья большого камня. Эгина уже ждала небожителя. Она сделала несколько робких шагов ему навстречу и утонула в его могучих объятиях...

На востоке разгоралась заря. Потухли первые лампы ночного неба. Чудесная ночь растворялась в предрассветной мгле.

Зевс в последний раз поцеловал пухлые губки Эгины.

– Мне пора, моя волшебница.

Её глаза наполнились слезами.

– Не уходи...

Расставание не встреча. Встреча приносит радость, а расставание – слёзы. А слёзы не нравятся никому и громовержец исключением не был.

Он бережно убрал кончиком пальца слезинку с её щеки.

– Не плачь, милое дитя. Ты самое прелестное создание на свете! Слёзы тебе ни к чему. Они портят твою красоту. Не грусти. Всё будет хорошо, это говорю я, Зевс!

Эгина сделала робкую попытку удержать небожителя, но громовержец остался непреклонен в своём решении.

Подходя к виману, он обернулся.

– Милая Эгина, я буду помнить о тебе...

Глава 5

Кони Диамеда

Если Авгий обзавёлся четверкой козлов, то бывший охотник, а ныне начинающий предприниматель-коневод, Диамед, предпочел обзавестись покером лошадей. Появились они у Диамеда недавно. Где он их взял, остаётся загадкой. Молва говорит о том, что Диамед приманил их сухой травой. Но это была непроверенная версия.

Кони Диамеда, с самого начала, вели себя необычно и, где-то, даже странно. Поведением своим, они породили много разнообразных слухов. Что было правдой, а что ложью, никто не знал. Даже сами кони.

У воспитанников Диамеда была изюминка. Они обладали целым рядом индивидуальных качеств, поразительно схожих с человеческими качествами. Кони умели улыбаться. При этом, их масштабные, жёлтые зубы вызывали у многих людей симпатию, а у некоторых и уважение. Такими зубами можно было съесть всё, что угодно. Черные слухи утверждали, что и человека, тоже. Впрочем, слухи эти нуждались в проверке.

А как кони Диамеда фыркали, в приступе негодования! Это надо было не только видеть, но и почувствовать. Возмущённый конь, бывало, поведёт головой, тряхнёт гривой и так

фыркнет, что мало не покажется. Брызги летели фонтаном! И не просто брызги, а брызги с пеной, как у морского прибоя.

А ещё эти диковинные кони умели смеяться. И смеялись они всегда громко и заразительно, а, главное, внезапно. Известно, что смех без причины признак понятно чего. Однако кони Диамеда, в этом плане, были вне подозрений, как, скажем, Гай Юлий Цезарь или королева Франции. Правда, позже, этот здоровый, лошадиный смех какие-то, плоские, остряки назвали обидным словом «ржание». А напрасно. Это, просто, позитивное самовыражение лошади и всё! С людьми, ведь, подобное случается гораздо чаще и ничего! Зачем же обижать лошадей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.